

## ВВЕДЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ЛЕКЦИЙ ХАННЫ АРЕНДТ

В настоящем выпуске «Кантовский сборник» начинается публикацию лекций Ханна Арендт по политической философии Канта. Ханна Арендт, видный американский политолог и философ, родилась 14 октября 1906 года в Ганновере, но свое детство и юность вплоть до поступления в Берлинский университет в 1924 году провела в Кенигсберге, родном городе своих родителей. Знакомство с философией у Ханна, уже в юном возрасте отличавшейся неординарными способностями и непростым характером, началось в четырнадцатилетнем возрасте. И, наверное, не случайно первой книгой, открывшей для нее сокровищницу мировой мысли, стала «Критика чистого разума» Канта. Теперь мы не можем с уверенностью судить о том, поняла ли тогда Ханна что-либо из труднейшего по языку и содержанию труда своего знаменитого земляка, но с тех пор интерес к философии и критическому осмыслению действительности стал в ее жизни определяющим.

Лекции по политической философии Канта Ханна Арендт прочитала осенью 1970 года в нью-йоркской Новой школе социальных исследований (New School for Social Research). По всей видимости (так, по крайней мере, полагает большинство исследователей ее творчества), им предназначалось стать основой для третьей части книги «О жизни духа» (“The life of mind” в английском и “Von Leben des Geistes” — в немецком издании)<sup>1</sup> под названием «Суждение»<sup>2</sup> (“Judging” в английском и “Das Urteilen” в немецком издании). Остается лишь сожалеть о том, что работа эта не была доведена до завершения и мы не увидели законченное произведение. В несколько более ранней редакции эти лекции читались ею в 1964 году в университете Чикаго, а материал к теме «Суждение» относится к ее лекциям о моральной философии, которые она читала в 1965 и 1966 годах в Чикагском университете и в нью-йоркской Новой школе социальных исследований.

Одним из основных мотивов, побудившим Арендт подготовить курс лекций по кантовской политической философии, стало ее глубокое убеждение в том, что область политического всегда вызывала интерес у Канта, но времени на написание фундаментального труда, который излагал бы в систематическом виде политическую философию мыслителя, у него не хватило. Лишь в последние годы своей жизни, уже после написания «Критик», он пишет несколько небольших сочинений, в которых политическая тематика играет важную роль. В это время, по мнению Арендт, Кант был как никогда близок к

---

<sup>1</sup> Подробнее о различении английского mind и немецкого Geist можно найти в работе Франка Герменау (Hermenau) «Способность суждения как политическая способность», который указывает на большую многослойность и смысловую нагрузку немецкого Geist, по сравнению с английским mind. Сама Арендт, по ее собственным признаниям, чувствовала себя в английском языке не настолько свободно, как в немецком, который был ее родным языком. Поэтому отдельные места в ее работах иногда становятся более понятными из немецкоязычных изданий, поскольку в них появляются те смысловые оттенки, которые Арендт не могла передать при помощи английского языка.

<sup>2</sup> В русском языке *суждение* как процесс вынесения оценки и *суждение* как сам оценочный акт грамматически не различаются. В данном случае под *суждением* Арендт подразумевает *суждение* как процесс.

созданию своей собственной политической философии, которая могла бы, как и у многих мыслителей древности, стать вершиной его творчества и подводила бы итог всего его многолетнего труда. Очертания этой так и не увидевшей свет части кантовской философии все же усматриваются, как полагает Арендт, в небольших текстах позднего Канта, но в наибольшей мере фундамент этого учения угадывается в «Критике способности суждения» (чего, по мнению Ханны Арендт, мог не осознавать и сам Кант).

В своих лекциях по политической философии Канта Арендт обращается к кантовской теории эстетических суждений, при этом она рассматривает эстетические суждения как образец для политических. Суждения вкуса совершаются спонтанно, без опосредующего участия понятий. Точно так же, минуя понятийный уровень, образуются суждения и в политической сфере. Особый интерес для Арендт представляет убеждение Канта в том, что эстетические суждения являются чем-то большим, чем чисто субъективные восприятия, что они основаны на общечеловеческом в суждениях о прекрасном и безобразном. Она усматривает параллель между субъективным восприятием разнообразных политических мнений и эстетическими суждениями, которые, хотя и являются индивидуальными, основываются на одинаковых для всех людей общечеловеческих основаниях. Идея общезначимого для всех людей основания в области межчеловеческих взаимоотношений играет важную роль в политической теории Арендт. Лишь благодаря тому, что в основе наших суждений лежит некое общее для всех людей чувство — *sensus communis* — или по-другому здравый смысл, только и возможен полноценный диалог и настоящее взаимопонимание между людьми. Без общего для всех основания никто не сможет услышать и понять другого, монолог не превратится в диалог и тем более в полилог, а это означает смерть настоящей политики (в античном смысле, в каком Арендт и предпочитала понимать это слово) как таковой.

Важнейшую задачу лекций Арендт видит в том, чтобы не только познакомить своих американских студентов с идеями Канта, но и донести до них сам дух кантовской философии. Возможно, именно поэтому своей критике Канта и изложению собственных взглядов Арендт уделяет второстепенное место. И все же, читая текст лекций, трудно не заметить особый ракурс, под которым она рассматривает кантовские идеи, их специфическое толкование. Эта своеобразная интерпретация кантовской философии у Арендт позволила некоторым исследователям говорить о ее эстетическом кантианстве.

Лекции ни в коем случае нельзя рассматривать как законченное произведение. В том виде, в каком они были опубликованы после смерти их автора, они не предназначались для публикации, а представляют, скорее, основу, подготовительный материал для «Суждения», во многом еще экспериментальный, не лишенный разночтений и колебаний. Устный, вербальный характер «Лекций» отчетливо прослеживается как в стилистике, так и в композиции и логической структуре представленного текста, который изобилует речевыми оборотами, повторениями, некоторыми неточностями в цитатах, характерными именно для устной, лекционной, но не для печатной формы подачи материала. Поэтому не приходится сомневаться в том, что если бы Арендт смогла отредактировать текст лекций для печати, то они предстали бы перед нами совсем в другом виде. Тем не менее они образуют органичное целое. Темы, которые в них обсуждаются, хорошо согласуются между собой: смысл и ценность жизни; враждебность мыслящих людей миру человеческих дел; необходимость критического мышления; защита общего чувства и здравого рассудка; человеческое достоинство; сущность исторической рефлексии;

конфликт между прогрессом и автономией индивида; отношение между универсальным и особенным; человеческое суждение. Некоторые факты<sup>3</sup> дают возможность утверждать, что, несмотря на незавершенный характер лекций, Арендт была в целом довольна их содержанием и достигнутыми в них результатами. Более того, можно предположить, что «Суждение», ядром которого должны были стать лекции о политической философии Канта, могло бы стать вершиной творческого пути Арендт.

В весенний семестр 1976 года Арендт должна была читать лекции о кантовской «Критике способности суждения», но этого так и не произошло. В декабре 1975 года, на 70-м году жизни, она скончалась от инфаркта в Нью-Йорке.

Всего было прочитано 13 лекций. Перевод первых двух публикуется в этом выпуске «Кантовского сборника».

*А. Н. Саликов*

### О переводчике

*Саликов Алексей Николаевич* — канд. филос. наук, ассист. кафедры философии и логики Российского университета имени Иммануила Канта, salikov123@mail.ru

---

<sup>3</sup> Об этом подробнее см.: *Ronald Beiner. Hanna Arendt on Judgment // Arendt Hannah. Lectures on Kant's Political philosophy/ ed. and with an interpretative essay by Ronald Beiner. Chicago, 1982. 91 p.*

Х. Арендт

ЛЕКЦИИ  
ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ  
ФИЛОСОФИИ КАНТА<sup>1</sup>

Лекция первая

Обсуждение и исследование кантовской политической философии связано с определенными трудностями. Кант не посвятил ей отдельного сочинения в отличие от столь многих философов — Платона, Аристотеля, Августина, Фомы, Спинозы, Гегеля и других. Литература о Канте огромна, но есть всего лишь несколько книг о его политической философии, среди которых только одна достойна изучения: «Путь Канта от войны к миру»<sup>2</sup> Ханса Занера. Совсем недавно во Франции вышел сборник статей<sup>3</sup>, посвященный кантовской политической философии. Некоторые из этих работ представляют определенный интерес, но и в них вы скоро заметите, что, поскольку речь идет о самом Канте, с заявленной в названии сборника темой обращаются как со второстепенной. Среди всех книг, которые представляют философию Канта в целом, лишь книга Ясперса минимум на четверть своего объема посвящена этому специфическому предмету. (Ясперс — единственный последователь, когда-либо бывший у Канта; Занер — единственный последователь Ясперса). Работы, вошедшие в книгу «Об истории»<sup>4</sup> или в новый сборник под названием «Политические тексты Канта»<sup>5</sup>, по качеству и глубине не следует сравнивать

<sup>1</sup> Перевод с английского выполнен А. Н. Саликовым по изданию: *Arendt Hannah. Lectures on Kant's Political philosophy* / Ed. and with an interpretative essay by Ronald Beiner. Chicago, 1982. P. 7—16 и сверен по немецкому изданию: *Arendt Hannah. Das Urteilen. Texte zu Kants politische Philosophie // Herausgegeben und mit einem Essay von Ronald Beiner. Aus dem Amerikanischem von Ursula Ludz. München, R. Piper, 1985. S. 17—28.*

<sup>2</sup> *Zaner Hans. Kants Weg vom Krieg zum Frieden, Bd. I: Widerstreit und Einheit. Wege zu Kants politischem Denken, München: R. Piper, 1967.*

<sup>3</sup> Редактор и издатель «Лекций» Рональда Бейнер предполагает, что Арендт имеет в виду: *La Philosophie politique de Kant* (= Bd.4 der *Annales de philosophie politique*, hrsgg. vom Institut International de Philosophie Politique). Paris, 1962.

<sup>4</sup> *Kant I. On History* / Ed. by Lewis White Beck. Translated by L. W. Beck, R.E. Anchor and E.L. Fackenheim, Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1963.

<sup>5</sup> *Kant's Political Writings*, hrsg. von Hans Reiss, übersetzt von H. B. Nisbet, Cambridge, Engl.: At the University Press, 1971.

с другими работами Канта. И конечно же, они не составляют «четвертую Критику», как это утверждал один автор<sup>6</sup>, пожелавший придать им такой статус лишь потому, что они волею случая оказались темой его исследования. Кант сам называл некоторые из этих сочинений «игрой с идеями»<sup>7</sup>, или «просто увеселительной прогулкой»<sup>8</sup>. А иронический тон в «Вечном мире» — наиболее значимом тексте среди такого рода работ — отчетливо показывает, что сам Кант не принимал эти сочинения всерьез. В письме Кизеветтеру (от 15 октября 1795 года) он называет этот трактат «трезами» (как будто бы вспоминая при этом свою раннюю шутку по поводу Сведенборга, свои «Грезы духовидца» (1766)). Что касается «Учения о праве» (или «Учения о законах») (первая часть «Метафизики нравов») — его вы найдете только в изданной Рейссом [Reiss] книге, — то, читая его, вы, возможно, найдете это занятие скучным и педантичным. Здесь трудно не согласиться с Шопенгауэром, который сказал о правовом учении Канта: «Учение о праве является одним из самых поздних созданий Канта и созданием настолько слабым <...> как если бы оно не принадлежало этому великому человеку, а было бы порождением обыкновенного смертного»<sup>9</sup>. Понятие закона имеет огромное значение в кантовской практической философии, в которой человек понимается как законодательствующее существо. И все же, если у нас возникнет желание изучить философию права в общих чертах, мы обратимся не к Канту, а к Пуфендорффу, Гроциусу или Монтескье.

Наконец, если вы взглянете на другие статьи в книге Рейсса или в сборнике «Об истории», то от вас не ускользнет, что предметом исследования многих из них является история. На первый взгляд это выглядит так, как если бы Кант, как это делали многие после него, поместил философию истории на место политической философии. Однако при ближайшем рассмотрении Кант не помещает понятие истории, даже если оно, взятое само по себе, является крайне важным, в центр своей философии. Мы обратимся к Вико, Гегелю или Марксу, если захотим узнать что-либо об истории. У Канта история является частью природы; субъектом истории — человеческий род, понимаемый как часть творения, и вместе с тем, разумеется, как его конечная цель, как вершина творения, так сказать. То, что определяет историю, о бессистемной, случайной меланхолии которой Кант никогда не забывал, — это не [отдельные] истории, не исторические индивиды, это ничто из того, что хорошего или плохого люди совершили. То, что определяет [историю], это скорее скрытая уловка природы, которая делает возможным прогресс рода и развитие всех его возможностей в последовательности поколений. Длительность жизни человека как индивидуума слишком коротка, чтобы развить все заложенные в нем человеческие задатки; история человеческого рода является поэтому процессом, в котором «все его природные задатки смогут полностью развиться и его назначение на Земле будет исполнено»<sup>10</sup>. Такова «всемирная

<sup>6</sup> *Borries Kurt.* Kant als Politiker. Zur Staats- und Gesellschaftslehre des Kritizismus, Leipzig 1928, Nachdruck Aalen: Scientia, 1977.

<sup>7</sup> *Кант И.* Конец всего сущего // Кант И. Соч. в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 214.

<sup>8</sup> *Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории // Там же. С.73.

<sup>9</sup> *Шопенгауэр А.* Критика кантовской философии // Шопенгауэр А. Собр. соч. в 6 т. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1999. Т. 1. С.445.

<sup>10</sup> *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Там же. С. 27—28.

история», рассмотренная по аналогии с органическим развитием индивидуума: детством, юностью, зрелостью. Кант никогда не интересовался прошлым: то, что его интересовало — это будущее рода. Причиной изгнания человека из рая было не грехопадение и не мстительность бога, а природа, которая отринула его из своего материнского лона и райского сада, из «беззаботного состояния детства»<sup>11</sup>. Таково начало истории; ее направленность — прогресс, продуктом же этого процесса называют иногда «культуру»<sup>12</sup>, иногда «свободу»<sup>13</sup>. («Из опеки природы в состояние свободы»<sup>14</sup>): и только один единственный раз, почти что вскользь, в скобках Кант утверждает, что речь идет о том, чтобы породить «величайшую цель человеческого предназначения — общительность»<sup>15</sup>. (Позднее мы увидим, какое значение имеет общительность.) Сам прогресс — доминирующее в XVIII веке понятие — воспринимался Кантом, скорее, с оттенком меланхолии. Он неоднократно подчеркивает его печальные последствия для жизни индивида.

«Если взять самый лучший вариант морально-физического состояния человека, а именно его непрерывное развитие и постепенное приближение к величайшему благу (как к своей цели), то и здесь человек ... все же не сможет *удовлетвориться* перспективой вечных перемен своего состояния... Так как состояние, в которое он готов вступить, и перспектива бесконечного прогресса к конечной цели предстанет перед ним как бесконечный ряд дурных состояний, которые ... все же не дают повода для успокоения, возможного лишь после *достижения конечной цели*»<sup>16</sup>.

Другой, хотя и несколько не деликатный, но в определенной степени обоснованный, род возражений против моего выбора темы связан с указанием на то, что все тексты, которые обычно выбирают для изложения политической философии Канта (на которых и я остановила свой выбор), написаны в последние годы жизни философа, а упадок его духовных сил, который, в конце концов, привел его к старческому слабоумию, является фактом. Чтобы опровергнуть этот аргумент, я прошу вас обратиться к очень ранней кантовской работе «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного»<sup>17</sup>. Теперь я бы хотела несколько предвосхитить события и изложить свою собственную позицию по этому вопросу, которую надеюсь обосновать в течение этого семестра: зная работы Канта и принимая во внимание его биографические обстоятельства, легко впасть в искушение и, перевернув аргумент в обратную сторону, сказать, что Кант довольно поздно осознал политическое как *отличное от социального*, как существенную составную часть человеческого существования в мире, осознал именно тогда, когда у него не было больше ни сил, ни времени, для того чтобы разработать свою собственную философию по этому специфическому вопросу. Говоря об этом, я не собираюсь утверждать, что краткость жизни Канта не позволила ему написать «четвертую Критику», я склоняюсь к мысли, что «третья Критика», «Критика способности суждения», в отличие от «Критики практического разума», была написана исходя из внутренних побуждений, а не в качестве ответа на критические заме-

<sup>11</sup> Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Там же. С. 78.

<sup>12</sup> Кант И. Критика способности суждения // Там же. С. 272.

<sup>13</sup> Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Там же. С. 79.

<sup>14</sup> Там же. С. 79.

<sup>15</sup> Там же. С. 73.

<sup>16</sup> Кант И. Конец всего сущего // Там же. С. 213—214.

<sup>17</sup> Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Там же. Т. 2.

чания, вопросы и вызовы, как это было с «Критикой практического разума». В действительности, третья Критика должна была бы стать той книгой, которая заполняет пробел в большом труде Канта.

После того как он закончил свою критическую работу, с его точки зрения, оставались неразрешенными два вопроса: вопросы, которые занимали его всю жизнь, и работу над которыми он прервал, чтобы сначала прояснить то, что он называл «скандалом разума», а именно тот факт, что «разум сам себе противоречит»<sup>18</sup> или что *мышление* выходит за границы того, что мы можем *знать*, и в таком случае запутывается в своих собственных антиномиях. Из свидетельств самого Канта мы знаем, что поворотной точкой в его жизни (в 1770 году) было открытие познавательных способностей человеческого духа [mind] и их ограниченности, открытие, для разработки которого и публикации как «Критики чистого разума» ему понадобилось более 10 лет. Из писем Канта нам также известно, что означала эта колоссальная многолетняя работа для других его планов и идей. Он пишет о «главном предмете», сдерживавшем и тормозившем все другие предметы, которые он надеялся закончить и опубликовать; как «камень» лежал он «на пути, и лишь после его устранения стало возможно продвижение вперед»<sup>19</sup>. Когда Кант вернулся к темам своего докритического периода, то в свете того, что он теперь знал, они, конечно, несколько изменились, но не настолько сильно, чтобы их больше нельзя было узнать, или чтобы утратить для него свою актуальность.

Важнейшее изменение может быть коротко обрисовано следующим образом. Перед событием 1770 года Кант намеревался написать и вскоре опубликовать «Метафизику нравов», работу, которую он и в самом деле написал и опубликовал, но лишь 30 годами позже. В ранний период книга была заявлена под названием «Критика морального вкуса»<sup>20</sup>, и когда Кант, наконец, обращается к своей третьей Критике, он первоначально называет ее все еще «Критикой вкуса...». Здесь совершаются два события: за «вкусом», одной из излюбленных тем всего XVIII века, Кант открывает совершенно новую человеческую способность, а именно способность суждения, но вместе с тем он выводит моральные высказывания из компетенции этой новой способности. Другими словами, теперь то, что определяет прекрасное и безобразное, есть нечто большее, чем вкус, в то время как вопрос о правом и неправом не должен репаться ни вкусом, ни способностью суждения, но одним только разумом.

<sup>18</sup> Kant an Christian Garve, 21. September 1798 // Kants gesammelte Schriften. Bd. 22. S. 225.

<sup>19</sup> Kant an Marcus Herz, 24. November 1776 und 20. August 1777 // Kants gesammelte Schriften. Bd. 10. S. 185, 198.

<sup>20</sup> См.: Beck L. W. A Commentary on Kant's Critique of Practical Reason, Chicago: University of Chicago Press, 1960.